

СТРАНИЦА ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АНИ Н. П. СЫЧЕВЫМ

Среди имен русских советских ученых, внесших свою лепту в исследование армянской культуры и искусства, почетное место по праву принадлежит Николаю Петровичу Сычеву (1883—1964)¹.

Деятельность этого замечательного человека была необычайно многогранной: его знают как выдающегося историка русского искусства, известного археолога, талантливого реставратора, интересного художника, крупного музейного работника. Но, вероятно, для некоторых будет неожиданностью известие о том, что начал Н. Сычев свою научную деятельность с изучения памятников художественной культуры Армении. В 1910 г. Н. Сычев успешно закончил историко-филологический факультет Петербургского университета и в следующем году был приглашен Н. Я. Марром принять участие в работе X Ангийской археологической экспедиции. Академия наук поддержала кандидатуру Н. Сычева и направила его в Закавказье. Н. Сычев провел в Армении чуть больше двух месяцев (с начала июня по 10 августа), но за этот сравнительно короткий срок он успел сделать многое.

Как тонкий знаток истории, техники и технологии средневековой живописи он занялся в Ани исследованием двух памятников: церкви Бахтагеки и церкви св. Григория, выстроенной Тиграном Оненцем. К сожалению, в печатной форме результаты изысканий Н. Сычева в Ани нашли отражение только в одной работе (кстати, первой крупной публикации молодого ученого)—«Анийская церковь, раскопанная в 1892 году»². Однако хранящиеся в архиве Ленинградского отделения института археологии (ЛОИА) АН СССР материалы Н. Сычева (фонд 51)

¹ О Н. П. Сычеве см.: В. Н. Лазарев, Николай Петрович Сычев («Византийский временник», 26, 1965, с. 291—292); С. Ямщиков, Николай Петрович Сычев (1883—1964) (Н. П. Сычев, Избранные труды, М., 1977, с. 11—14); Г. Вздорнов, «Троица» Андрея Рублева («Антология», М., 1981, с. 81—82).

позволяют значительно полнее обрисовать круг его интересов и занятий в Ани. Архивные материалы Н. Сычева, касающиеся Армении, включают шесть единиц хранения (№№ II—16), датированных 1911—1912 гг.:

— ед. 11 и 12—две записные книжки (своеобразные полевые дневники), хранящиеся под шифрами «Анп» и «Ани-II» (1911 г.);

— ед. 13—папка с разнообразными выписками, относящимися к церкви св. Григория Оненца (1911 г.);

— ед. 14—корректирные листы статьи «Анийская церковь, раскопанная в 1892 году» (1912 г.);

— ед. 15—фрагменты рукописного варианта доклада «Храм св. Григория в Ани» (1912 г.);

— ед. 16—наброски статьи «Рельефы анийской Дворцовой церкви и рельефы Московского Исторического музея» (1912 г.).

Статья Н. Сычева о церкви Бахтагеки является единственным по сию пору монографическим исследованием памятника. Эту работу отличают широта охвата материала, привлекаемых источников, всестороннее исследование памятника, глубина художественного анализа, смелость сопоставлений и сравнений, убедительная аргументация датировки росписей первой половиной XIII в. Все это обусловило высокую ценность работы, не утратившей до наших дней научного значения. Собственно, об этом памятнике мы можем судить только на основании трех фрагментов фресок, хранящихся в Эрмитаже³, этой статьи Н. Сычева и его фо-

² «Христианский восток», т. I, вып. II, Петроград, 1912, с. 212—219, 5 табл. Переиздано: Н. П. Сычев, Избранные труды..., с. 15—31 (без иллюстраций).

³ «Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки», т. 3, М., 1977, с. 12—13, № 885 (Нерукотворный Спас), № 886 (Богоматерь из «Благовещения»), № 887 (Оплечное изображение святой).

тографий фрагментов стенописи и архитектурного декора.

Материалы к задуманной статье «Рельефы аниийской Дворцовой церкви и рельефы Московского Исторического музея» интересны замыслом сопоставления памятников аниийской скульптуры с рельефами храмов Владимиро-суздальской Руси (копии последних были выставлены в Историческом музее в Москве). Эта задумка Н. Сычева предвосхитила идеи в данном направлении И. А. Орбели, мечтавшего экспонировать слепки и фото с произведений резьбы по камню из Ани, Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского на «Аниийской выставке» которую предполагали открыть в Эрмитаже в начале 1930-х гг. Примечательно, что к идее родственности скульптуры Ани и Владимиро-суздальских земель возвращаются до сих пор исследователи (О. Х. Халпахчьян, Г. К. Вагнер и др.).

Другие архивные материалы Н. Сычева включают выписки из разного рода работ о памятниках архитектуры, скульптуры, живописи Армении и сопредельных с нею стран, сведения по истории средневековой Армении, её государственных и церковных деятелях. Здесь же много фотографий и зарисовок построек, скульптурных и декоративных мотивов, планы сооружений, схематические наброски росписей в аниийских храмах, копии армянских, греческих, грузинских надписей на памятниках. Большая часть подобного рода материалов относится к церкви св. Григория, выстроенной Тиграном Онецем в 1215 году. В сжатой форме свои наблюдения об этом памятнике Н. Сычев изложил в докладе «Храм св. Григория Просветителя в Ани», прочитанном им 17 декабря 1911 г. на заседании Русского археологического общества⁴. Доклад, к сожалению, не был напечатан. В архиве ЛОИА удалось обнаружить только рукописный вариант, да и то, вероятно, треть его⁵.

⁴ «Известия Археологической комиссии». Прибавление к 44-ому выпуску. Хроника и библиография, вып. 21, СПб., 1912, с. 2—3.

⁵ Сохранилось восемь листов рукописного текста (без начала), условно названного составителями описи материалов Н. Сычева «Храм св. Григория в Ани» и ошибочно отнесенного ими к 1912 г.

На материалах, относящихся в основном к церкви св. Григория 1215 г., мы и остановимся, поскольку они представляют необычайный интерес.

Судя по остаткам текста, Н. Сычев, вероятно, в общих чертах охарактеризовал историческую ситуацию, в которой находился Ани в начале XIII столетия, обрисовал личность заказчика памятника—богача Тиграна Онеца⁶, описал церковь в архитектурно-конструктивном плане, рассмотрел его скульптурный декор и подробно изложил свои наблюдения о её росписях и пристроенных к ней чуть позже притвора и часовни. На основании детального изучения стилистических и технических особенностей росписей и иконографии Н. Сычев высказал свои соображения о времени создания фресок и их мастерах. Относительно времени создания ансамбля росписей Н. Сычев придерживался следующей точки зрения. Церковь, построенная в 1215 г., не предназначалась для росписей, поскольку, как установил Н. Сычев, она была внутри вся побелена. Расписали ее позднее, заложив для этого окна и замазав полуколонки анов. После того, как стены памятника расписали, к нему пристроили притвор и часовню, расписывали их уже другие мастера. В то время, когда расписывали притвор, в церкви произвели ремонт и на северной стене, под сценой «Воскрешение Лазаря», поместили изображения двух святых воинов в рост: Меркурия и, по-видимому, Никифора⁷. Об одновременности этих росписей говорят, по словам Н. Сычева, «одинаковый грунт, краски и надписи в этой части храма и в притворе». И далее он замечает: «Близость техники и стиля в росписи притвора к фрескам XII в., например, к передним, не

⁶ Из материалов неясно—разделял ли Н. Сычев широко распространенное в то время мнение о том, что Тигран Онец—халкедонит. Сейчас оно обоснованно отвергается.

⁷ Д. П. Гордеев [Отчет о поездке в Ахалцихский уезд в 1917 году. Росписи в Чуле, Саларе и Зарме («Известия Кавказского историко-археологического института в Тифлисе», т. I, Петроград, 1923, с. 5)] полагал, что остатки сбитой здесь росписи представляли ктиторский портрет.

позволяет далеко отнести эту роспись от начала XIII в. Весьма будет вероятным то, что она сделана в первой четверти этого века⁸, а роспись храма немного раньше ее⁹.

Ученый обратил внимание и на такую любопытную особенность, отличающую росписи церкви и притвора. В церкви швы грунта для фресковых росписей находятся иногда по середине композиции, что указывает на то, что сначала ее стены были загрунтованы, а позже расписаны по сухому. В росписи же притвора левкас наносилась постепенно, поясами, по мере записи красками, швы здесь, как обычно в таких случаях, совпадают с линиями обрамления композиций¹⁰. Так же исполнены и изображения воинов Меркурия и Никлфора.

Важны для исследователей и выводы Н. Сычева о том, что все росписи в ангийских памятниках (а их более десятка) исполнены *al secco*, т. е. известковыми красками по высохшей штукатурке.

Знаком ликографии Н. Сычев обратил внимание на необычное изображение «народов» в сцене «Сошествие св. духа» и установил, что на западной стене церкви, по сторонам от входа, находилось изображение ктитора с покрывалом на голове, подносящего модель церкви святому патрону—Григорию Лусаворичу.

Интересны наблюдения Н. Сычева об орнаментике росписей. По его мнению, живописный орнамент церкви св. Григория близок мозаичной орнаментации храма Луки Фокидского¹¹. Заметим, что орнамента армянского памятника значительно разнообразнее по мотивам и богаче своей варианностью.

⁸ В статье о церкви Бахтагеки Н. Сычев отметил близость колорита росписей притвора церкви св. Григория к фрескам Бахтагеки («яркие краски») и сделал важный вывод о том, «что в начале XIII века в армянской живописи появляются новые художественные течения, значительно отступающие от местных традиций и знакомые с лучшими приемами декоративного искусства» (Н. П. Сычев, Ангийская церковь..., с. 219).

⁹ ЛОИА АН СССР, ф. 51, ед. 15, л. 25.

¹⁰ Там же, л. 22.

¹¹ Там же, л. 26.

Несомненный интерес для филологов, историков, искусствоведов представляют многочисленные пояснительные надписи на грузинском и греческом языках, сопровождающие отдельных персонажей и сцены в росписях церкви. Во всех случаях, когда это было возможно, Н. Сычев копировал их. По-видимому, копии были довольно точные, поскольку почти все копии грузинских надписей, переведенные, например, Н. Марром, остались без каких бы то ни было существенных исправлений.

Помимо того, что надписи разъясняют традиционные канонические сцены христологического цикла, сцены, иллюстрирующие житие Лусаворича, они сообщают имена многих персонажей, которые идентифицируются в большинстве случаев по копиям Н. Сычева (например, имена протцов на подпрудной арке, святителей в апсиде, святых в притворе и в часовне и др.).

Как «интересный факт, указывающий на большие художественные связи древней Руси с Кавказом», Н. Сычев приводит свидетельства Кестнера о том, что в люнете портала была славянская надпись¹².

Сейчас, по прошествии 75 лет с момента изучения церкви св. Григория Н. Сычевым, не со всеми его положениями можно согласиться. Сегодня несколько наивными выглядят его рассуждения о «конструктивно-архитектурных формах церкви, в которых, по словам Н. Сычева, смешались влияния Сирии, Малой Азии и нашли отражение внесенные крестоносцами романские элементы¹³. Требуется пересмотра его точка зрения на скульптурный декор памятника, в котором он видел соединение «в одной стройной декорации» романских влияний с восточными традициями—с формами персидского и арабского искусства¹⁴.

Н. Сычев колебался в определении сцены «Причащения св. Зосимою Марии

¹² Там же. К началу XX в. надпись эта (если она была) оказалась утраченной. Но на факт ее существования указывали в свое время Я. И. Смирнов, И. А. Орбели, Д. П. Гордеев, М. Л. Меликсет-Бек.

¹³ ЛОИА АН СССР, ф. 51, ед. 15, л. 26.

¹⁴ Там же.

Египетской в пустыне», полагая, что она могла изображать «Помазание Самуилом Давида на царство».

Но конечно же не эти просчеты, почти неизбежные во всякой исследовательской работе, определяют научное значение материалов Н. Сычева о церкви св. Григория 1215 г. Главное, чем ценны они для нас, своей фактологичностью. Ученый на месте два месяца изучал памятник, с лесов делал фотоснимки и исследовал росписи и скульптуру. Документальная фиксация памятника, тонкие наблюдения иконографических соответствий с другими памятниками христианского ареала, практические указания технического порядка об исполнении стенописи, о характере рисунка, письма, красителях, грунте и т.

п. составляют неоценимый вклад в историю изучения армянской средневековой монументальной живописи.

Приведенные в этой работе данные свидетельствуют о живейшем интересе Н. Сычева к армянской старине, о его значительном вкладе в изучение средневекового искусства Армении. Собранные Н. Сычевым разнообразные сведения о церкви св. Григория 1215 г. в Ани (ни один другой армянский памятник живописи не имеет такой обстоятельности, квалифицированной фиксации) имеют первостепенное значение при исследовании средневековых росписей Закавказья, Византии, да и других регионов христианского мира.

АЛЕКСАНДР КАКОВКИН (Ленинград)